

УДК – 81-114

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-6-43-49

Орехова Е.Н.*Московский государственный областной университет***РИТОРИЧЕСКИЙ БЛОК В ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ**

Аннотация. Статья посвящена средствам выражения субъективно-модальных значений в современном газетном тексте. Показана взаимосвязь использования модальных операторов и специфики газетной коммуникации, характеризующейся усилением оценочности, субъективизацией, демократизацией языка. В числе наиболее продуктивных модальных средств исследован риторический блок – проводник контактоустанавливающей, логической, а также отрицательной эмоционально-оценочной модальности в медиадискурсе.

Ключевые слова: субъективная модальность, адресат, адресант, риторическое высказывание, риторический блок, медиатекст.

Orehova H.*Moscow State Regional University***RHETORICAL UNIT IN PRESS**

Abstract. The subject of the article –subjective modality of press, different modal meanings of newspaper text. The different operators of modality in press are shown. There are rhetorical units, which express different modal meanings, negative emotions of journalist. The connection of subjective modality and type of communication is explained. The functions of rhetorical units are developing the dialogue, activation of attention of the recipient.

Key words: subjective modality, author, recipient, rhetorical statement, rhetorical unit, mediatext.

Характеризуя современный медийный дискурс, учёные отмечают его экспрессивный и оценочный характер, информационную и воздействующую функцию, которая создаётся особой языковой тканью, сочетанием экспрессии и стандарта. Современный газетный текст – это отражение тех изменений, которые произошли в российском обществе и в русском языке к началу XXI столетия. Среди наиболее активных тенденций в языке СМИ исследователи отмечают демократизацию, усиление личностного начала (субъективизацию), метафоризацию, прецедентность, оценочность, интеллектуализацию. Как отмечает М.А. Кормилицына, «эти тенденции и процессы часто разнонаправленны, противоположны по своей сути. С одной стороны, это субъективизация газетного текста, проявляющаяся в усилении личностного начала, актуализации фигуры автора текста, оценочности, эмоциональности, экспрессивности, подчёркнутой адресованности... С другой, это стремление завуалировать чрезмерный субъективизм и открытость самовыражения и, как следствие, увеличение в текстах по-

лемичности, отражающей плюрализм взглядов в обществе, интертекстуальности газетного текста. С одной стороны, демократизация как реализация основной стратегии современной прессы – стратегии близости к читателю, с другой – интеллектуализация газетного текста, приводящая к усложнению содержания текста и трудностям в его понимании читателем» [3, с. 14].

Субъективизация – важнейший процесс, характерный для современных СМИ, в том числе для языка газеты. Усиление авторского начала, «персонализация общения» [4] обусловлены происходящими в обществе социально-экономическими процессами: раскрепощением личности, провозглашением свободы слова, осознанием каждым человеком своей социальной значимости [3, с. 14].

В связи с этим правомерно говорить о категории субъективной модальности как стилеобразующей и жанрообразующей категории газетного текста, автор которого стремится завоевать внимание читателя, вступает с ним в воображаемый диалог, вовлекает в осмысление актуальных проблем современности. Характерная черта современной газетной публицистики – усиление субъективного начала даже, казалось бы, в нейтральных информационных жанрах. Справедливы наблюдения В.В. Богуславской: «журналисты скорее создают виртуальную реальность, чем изображают происходящее», «журналистика преподносит массовому сознанию готовые оценки, предназначенные, в том числе и по преимуществу, для не критического восприятия последним» [1, с. 39-40]. Иными словами, усиление модального начала проявляется в том, что субъек-

тивные значения организуют смысловую структуру всего газетного текста, в то время как объективные, информирующие читателя о событиях реальной действительности, подчиняются субъективным.

Модальность в газетном тексте переплетается с оценочностью и экспрессивностью, что усиливает его коммуникативный эффект. Убежденность, категоричность, открытость самовыражения, резкость, а иногда и агрессивность – вот черты языковой личности современного журналиста. Важная составляющая авторской позиции – повышенная эмоциональная тональность текста, специфика которой – её заданность, контролируемость, намеренная демонстрация эмоционального отношения автора к сообщаемому и социальное воздействие на читателя.

По мнению В.И. Шаховского, «всё речевое поведение человека эмоционально опосредованно, эмоциональная рефлексия на события, происходящие в обществе, не могут не изменять человека и его язык. Новые эмоциональные доминанты пронизывают наше общение, определяют векторы понимания высказывания. Часто в речи преобладают сиюминутные вербальные эмоции автора, находящие выражение в знаках его экспрессивного самовыражения, что в полной мере отвечает современному принципу медиального и политического дискурсов: важен не смысл сказанного, а эмоции, рождённые сказанным» [5, с. 764].

Не следует забывать и том, кто является адресатом газетной речи: это отсутствующая в реальной коммуникации, социально и психологически разнородная, разобщённая аудитория, внимание которой требуется заво-

евать и удержать. От умения журналиста ориентироваться на адресата, прогнозировать обратную связь зависит реакция последнего, адекватное понимание им предмета речи, согласие или несогласие с точкой зрения автора. В этом смысле современный журналист прибегает к различным приёмам диалогизации текста, в частности, к использованию вопросительных конструкций различных типов, которые придают повествованию полемический характер, подчёркивают логику рассуждений, выявляют авторскую позицию.

Одним из наиболее продуктивных средств реализации субъективно-модальных значений служит вопросительно-риторическое высказывание. По мнению А.В. Канафьевой, «риторические высказывания находятся в оппозиции к собственно вопросительным предложениям как не содержащие собственно вопроса и не побуждающие реципиента к ответу, а реализующие в языке специфические коммуникативные функции – выражение отрицания, утверждения или размышления говорящего. При этом их отчётливо отличает наличие субъективно-эмоциональных значений: удивления, недоумения, упрёка, сожаления, разочарования и т. д.» [2, с. 8]. Риторическое высказывание может быть охарактеризовано как эмотивно-экспрессивное, «с особым прагматическим «прицелом», т. е. «такой иллюзией, которая воздействует на получателя в определённом, задуманном отправителем, отношении» [6, с. 142], например:

– *Капитальный обман?* – риторическое высказывание, помещённое в позицию заголовка, выполняет не только

информирующую функцию, сообщая о содержании газетного материала, но и субъективно-модальную, выражая эмоцию возмущения, негативное отношение автора к неразумному расходованию средств на капремонт;

– *Давайте пристально взглянем из окон наших писательских кабинетов, – какой век встает над нашими горами? Какой читатель идёт вслед за ним?* – автор задаётся вопросом о потере важности чтения и писательского труда в современном обществе (выражена модальность сомнения);

– *Какие сюрпризы ещё преподнесёт нам новая история XXI века, когда слово «будущее» ассоциируется с ближайшим месяцем, с ближайшим годом? Такое чувство не может, конечно, не оказывать своего влияния на литературный процесс* – в размышлениях автора о судьбах современной литературы выражена модальность эмоциональной оценки (сожаление, опасение).

Эффективным средством выражения модальных значений в современном газетном тексте являются не только отдельные риторические высказывания, но также их цепочки, или «риторические блоки» (термин А.В. Канафьевой): «группы риторических высказываний, когда следующее логически вытекает из предыдущего. Между единицами риторического блока существует определённая взаимосвязь и иерархия. Они являются выразительной приметой индивидуального стиля, тем стилистическим средством, с помощью которого в произведении отражается идейно-эстетическая концепция автора» [2, с. 126].

Риторический блок – продуктивное средство выражения субъективно-мо-

дальних значений и усиления экспрессии высказывания. В нём отражается эмоциональное состояние самого автора – журналиста, которое в большинстве случаев характеризуется как негативное:

– Но, простите, как «скорая» может приехать к несрочному вроде бы пациенту, когда есть куча экстренных вызовов, а она одна на район? Так кого судить? Врачей больницы, которые уже не могли помочь? Неторопливых родителей? «Скорую», что приехала не сразу? Или чиновников местного Минздрава за то, что не могут закупить необходимое количество машин? (Аргументы и факты, № 7, 2015). Автор статьи, посвящённой ответственности врачей и врачебным ошибкам, выражает чувство негодования, возмущения фактами неправильного лечения пациентов, которое приводит к их смерти. Функция риторического блока в данном случае – акцентирование морально-этических проблем общества, указание на необходимость их срочно-го решения;

– Но не напоминает ли нам эта сцена эпизод из нынешней жизни? На Ивановской площади не самые благостные времена. Что происходит? К чему готовиться? Мы уже воюем или это некая непонятная для населения игра? Но народ не спрашивают. Народ восхищается властью (Аргументы и факты, № 24, 2015). Цепочка риторических вопросов выражает негодование автора, его возмущение социальной несправедливостью и расслоением современного российского общества;

– Назначение Саакашвили на пост губернатора Одессы – это решение, не имеющее себе равных по своему цинизму. Неужели среди более чем 40-мил-

лионного народа не нашлось никого, способного занять этот пост, и понадобилось «выписывать» чужеземца? Неужели в город, переживший страшную трагедию 2 мая, понадобилось назначать человека, который у себя на родине «прославился» созданием пыточной системы в тюрьмах и садистскими разгонами демонстраций с человеческими жертвами? (Московский комсомолец, 22.11.2015) – в статье о новом губернаторе Одессы выражено глубокое недовольство автора действиями украинских властей. Отрицательную оценочную тональность риторического блока поддерживает повторяющаяся модальная частица *неужели* со значением изумления, а также отрицательная оценочная лексика: *цинизм, пыточная система, садистский разгон, жертвы*;

– О взносах: то, что регионы собирают 2 руб./м. – чистой воды популизм. Что на них сделают? Вкрутят лампочку Ильича? Заменят жжёные кнопки в лифте? (Аргументы и факты, № 7, 2015) – в статье о проблемах финансирования российских регионов журналист горько иронизирует; предложение с местоимённым компонентом *что* вопросительно-отрицательное, выражает подчёркнутую уверенность в бесполезности денежных сборов, второе и третье предложения характеризуются синтаксическим параллелизмом, что усиливает эмоцию негодования автора.

В материале о скандальных выборах в Подмосковье риторический блок создаёт общую модальную тональность бессмысленности описываемых действий: *Зачем устраивать такую сложную схему и прилюдно вбрасывать бюл-*

летени, если схему крышуют ТИКи? ... Зачем было вбрасывать бюллетени днем, при свидетелях, когда это можно сделать вечером? ... Зачем вообще было вбрасывать бюллетени, когда все «неужные» кандидаты заранее были отстранены от выборов? (Московский комсомолец, 26.05.2015) – отрицательную оценочную тональность усиливает синтаксический параллелизм риторических структур, отрицательная оценочная лексика. Повтор местоименного наречия *зачем* подсказывает читателю единственно возможный ответ (*Незачем!*), усиливает модальную напряжённость отрывка.

В статье о допинговом скандале «Заговор против России?» журналист вербализует отрицательную оценку действий спортивного руководства: *Предвзятое отношение к нам – это факт уже свершившийся... И если В. Мутко знал о том, что ряд спортсменов принимают допинг, то почему не предпринял никаких действий для того, чтобы самостоятельно разобраться с этой проблемой, не дожидаясь, когда сор из нашей избы начнут выносить другие? Почему не сделал этого после допинг-скандала с ходоками, биатлонистами после нашумевшего немецкого фильма? А если не знал, что происходит в его ведомстве, то зачем тогда он на этом посту? И как понять его заявление о том, что на случай отмены чемпионата мира по футболу-2018 в России нам будет положена солидная страховая премия? Заранее сдаёт свои позиции? Бог с ним, ВАДА, но, уважаемые министр и другие спортивные чиновники из министерства, федераций и комиссий, вы за что свою зарплату получаете? Почему не контролируете то, что должны? Зачем подставляете*

страну и тех спортсменов, которые ни в чём не виноваты? (Аргументы и факты, № 47, 2015). Цепочка из семи риторических вопросов усиливает эмоциональный накал, эмоцию гнева, служит средством прямого обращения к виновникам происходящего и одновременно их прямого обличения. Отсюда повтор местоименных компонентов *почему, зачем*, употребление отрицательно-оценочных языковых единиц: *начнут выносить сор, допинг-скандал, проблема, сдаёт позиции, подставляете*. Примечательно, что завершающий сегмент риторического блока графически выделен, что выявляет идейную доминанту последнего и статьи в целом.

Как показали наши наблюдения, в риторических блоках отражается субъективное состояние автора газетного текста, размышляющего о настоящем и будущем своей страны, осмысляющего острые социальные проблемы, обращающегося к слушателям со своими эмоциями и оценками. Риторический блок становится, таким образом, проводником модальных значений газетного текста, усиливает его эмоциональную и оценочную тональность. С другой стороны, наличие в тексте риторического блока – это показатель диалогичности, а значит, он обязательно реализует в газетной речи контактоустанавливающее модальное значение, то есть выполняет фатическую функцию.

Можно рассматривать риторический блок как оператор логической модальности, как средство связи и актуализации отношений между частями текста. Так, например, цепочка риторических высказываний задаёт перспективу газетной статьи, обозначает

проблему, если она дана в абсолютном начале. Автор газетного материала под названием «Нет ничего более постоянного, чем временные санкции» Николай Лашкевич начинает текст с риторического блока: *Что же заставило Евросоюз с 31 октября приостановить действия санкций в отношении Президента Беларуси Александра Лукашенко, а также трёх белорусских компаний и ещё 170 граждан страны? Освобождение в канун президентских выборов нескольких оппозиционеров? Успешное посредничество Минска в урегулировании украинского кризиса?* (Союзное вече, № 47, 2015). Журналист разворачивает рассуждения в соответствии с поставленными вопросами, одновременно выражая сомнение в отношении продуктивности политики санкций как таковой, осуждает политические интриги Евросоюза как способ унижить Россию.

Ту же функцию выполняет риторический блок, представляющий собой подзаголовок статьи «Код красоты»: *Почему мы считаем одних людей красивыми, а других – нет? Каковы законы красоты? И есть ли они?* (Аргументы и факты, № 47, 2015) – цепочка вопросов обозначает схему дальнейших рассуждений журналиста, фиксирует внимание на ключевых моментах текста, одновременно предлагая задуматься над теми же вопросами и читателю.

В ряде случаев риторический блок обеспечивает структурное единство сложного синтаксического целого, представляющего тип речи рассуждение. В статье Виктора Коклюшкина «Время пошло!» представлено несколько однотипных сложных синтаксических целых, где риторический блок не только вербализует авторскую

оценку, но и участвует в построении аргументации:

Это надо зарубить себе на носу, чтобы не хлопать потом ушами. Не корить себя. Семь лет (работа была такая) ходил я по разрушенным, разграбленным дворянским усадьбам. И думал: здесь жили неглупые, образованные люди. Почему проглядели надвигавшееся? Не уберегли ни себя, ни страну?

Ныне Подмосковье (и не только оно!) застроилось богатыми дворцами, теремами. *А я, травмированный виденным, думаю: неужели опять малая часть народа отстранится (да уже отстранилась) от большей, от её бед и чаяний? И всё, за последние годы наворото... накопленное, построенное, постигнет та же участь? (...)*

В природе всё целесообразно. И узор на кончиках пальцев у людей индивидуальный не случайно. Мы все помечены. Не для уголовного же розыска?! А для кого? И кто пометил? Так просто и так мастерски. Кто-то о-очень могущественный. Вот ему-то и надо повиноваться. Следовать заветам (иль забыли?) и поступки свои сверять с навигатором, коим является – совесть. Ура! (Аргументы и факты, № 46, 2015).

Стоит отметить, что использование риторических блоков – характерная черта индивидуального стиля Виктора Коклюшкина, известного писателя-сатирика, драматурга, перенёсшего сатирические приёмы на страницы своих статей, остро и едко высмеивающего общественные пороки в собственной колонке в газете «Аргументы и факты».

Подводя итог, отметим, что современный публицистический дискурс

немыслим без выражения авторского «я», без эмоционально-оценочной составляющей. При этом, как показывает анализ языкового материала, более актуальной для медиаречи является констатация негативных явлений и оценок, поскольку хорошее воспринимается обществом как норма, не требующая специального словесного выражения. Указанной цели служат многочисленные риторические блоки, вербализующие отрицательные оценки и негативные эмоции журналиста. В роли модального оператора риторический блок становится также проводником контактоустанавливающей и логической модальности, участвует в создании смысловой цельности и аргументационной стройности газетного текста.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Богуславская В.В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция. М., Издательство ЛКИ, 2013. 276 с.
2. Канафьева А.В. Риторическое высказывание: форма, семантика, функции. М., МГОУ, 2011. 198 с.
3. Кормилицына М.А. Некоторые итоги исследования процессов, происходящих в языке современных газет // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2008. Вып. 8.
4. Стернин Л.А. Социальные факторы и публицистический дискурс // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: Человек и его дискурс. М.: Азбуковник, 2003. С. 134–145.
5. Шаховский В.И. Унижение языком в контексте современного коммуникативного пространства России // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 7. Саратов, 2007. С. 40–45.
6. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.